

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ ТРАДИЦИОННЫМ СИСТЕМАМ ГОСУПРАВЛЕНИЯ

© БОРДОВСКИХ А.Н., 2020

БОРДОВСКИХ Анастасия Николаевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Кафедры политического анализа.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, РФ, 119991 Москва, Ломоносовский просп., д. 27, к. 4 (bordovskikh@spa.msu.ru), ORCID: 0000-0003-4290-4983.

Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов
традиционным системам госуправления.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 63-73 . DOI: 10.20542/afj-2020-1-63-73

DOI: 10.20542/afj-2020-1-63-73

УДК: 327+330.131.7+341

Статья поступила в редакцию 22.01.2020.

В свете общепризнанного роста политических рисков в сфере международного бизнеса в статье поднимается вопрос о соответствии классических теорий исследования политических рисков реальному содержанию феномена. Рассматриваются новые формы политических рисков сквозь призму трансформации характера политического взаимодействия, в котором происходит их формирование, и изменения целевой мотивации политических акторов на фоне усиления глобальных угроз. Определены ключевые характеристики новых форм политических рисков – сетевые глобальные алгоритмы развития, актуальная география, особый пространственно-временной формат распространения. Раскрыто содержание гибридных экополитического и информационно-политического рисков.

Ключевые слова: политический риск, глобальный риск, экспроприация, информационно-политический риск, экополитический риск, экологический кризис.

Классическая теория политического риска была сформирована в период между революцией на Кубе в 1959 г. и падением Берлинской стены в 1989 г. Четкое разделение экономического мира на четыре части (индустриальные страны Запада; бывшие колонии, стремившиеся к обретению независимости от западного влияния; Восточный блок; остальные страны, сохранявшие, насколько это возможно, баланс во взаимоотношениях с первыми тремя группами [1, р. 76]) составляло контекстуальную основу для построения теоретической модели исследования этого феномена. В основу лег опыт западных компаний в развивающихся странах, где распространение новой политической идеологии или смена режимов власти оборачивались многомиллионными убытками для их владельцев. Национализация нефтяной отрасли в Мексике, Суэцкого канала в Египте, всего иностранного бизнеса на Кубе, топливной промышленности в Иране и Ираке, а также другие мотивированные политическими причинами потери западных инвесторов за рубежом были приняты за отправную точку в выработке подходов к анализу и прогнозированию феномена политического риска [2]. В результате сформировалась концептуальная основа исследования, закрепившая границы самого понятия, содержание и природу различных проявлений политических рисков, а также их классификацию. Помимо этого, были заложены основы факторного анализа и определены пространственные и временные рамки воздействия политических рисков на коммерческую среду.

В западной научной традиции закрепилось определение политического риска, изначально сформулированное в экономической науке. Исследователи международных

рынков и внешнеэкономических отношений связывали возникновение политического риска с резкими изменениями политических условий для иностранных инвестиций или импорта в принимающем их государстве [3]. В политической науке какое-то время просуществовал более широкий подход к пониманию политических рисков как общей атмосферы нестабильности, характеризующей в первую очередь развивающиеся страны или страны, переживающие политическую модернизацию [4, р. 87]. Тем не менее в такой трактовке политический риск больше соответствует общей политической неопределенности с неизвестным исходом, тогда как на самом деле он всегда сопряжен с соизмеримой финансовой потерей иностранного бизнеса вследствие политического решения или нарушения последовательного политического процесса [5, р. 68].

Западные исследователи ограничивали рассмотрение политических рисков развивающимися рынками, отличающимися несовершенством институтов, недостаточной демократизацией и нестабильностью социально-экономических показателей [6, р. 4]. Все вместе давало основания для угроз “легально-правительственного” происхождения в форме ограничительных государственных решений и “экстралегального” – не зависящих напрямую от официального правительства, а генерирующихся через остальные группы политического влияния [7, р. 7]. Политические риски как вероятность экономических потерь иностранного капитала вследствие политического решения или действия (бездействия) облачают себя в различные формы ограничений прав собственности и управления активом. На протяжении десятилетий наибольшую опасность представляли угрозы некомпенсируемой прямой экспроприации иностранных владельцев [8]. Однако со временем в зону внимания инвесторов также попадают экономические барьеры (эмбарго, валютный контроль, санкции), которые становятся отражением международного политического или идеологического конфликта. Третий большой блок манифестаций связан с широким спектром политических беспорядков – протестными и забастовочными движениями и революционными восстаниями.

На фоне четвертой волны демократизации, все большей интенсификации глобальных взаимосвязей и развития теорий мондиализма [9] в научной среде распространялся существенный оптимизм в отношении политического риска, который в первую очередь связывался с биполярным геополитическим противостоянием [10]. После падения Берлинской стены и распада СССР актуальность политических рисков в их классическом понимании отходит на второй план, уступая место угрозам экономического происхождения, набирающим силу после либерализации финансовых рынков, которая началась в 1980-годах в США и Великобритании, и постепенно распространилась по всему миру. Политические риски все меньше волнуют западное экспертное сообщество, постепенно утратившее к ним интерес как к архаичной проблеме, ушедшей в прошлое вместе с биполярным миром и борьбой за влияние между СССР и США в постколониальных странах. Российская политическая и экономическая науки, на стыке которых исследуются политические риски, также мало уделяют им внимания. Вероятно, это связано с принятым до сих пор видением данного феномена как угрозы прежде всего бизнесу из западных стран на нестабильных развивающихся рынках, в числе которых оказалась Россия после распада СССР.

В последние несколько лет, однако, в аналитических отчетах и профессиональной прессе все чаще звучит тема “возврата политического риска” в качестве одной из главных угроз для международного бизнеса. Первым поводом стали события “арабской весны” и начало войны в Сирии, а наибольший толчок дискуссиям дал референдум о выходе Великобритании из состава Европейского союза, обозначивший возникновение бреши в политическом фундаменте европейской семьи. По времени он совпал с расцветом популизма и массовыми политическими беспорядками в сердце Европы (конституционный кризис в Испании, движение “желтых жилетов” во Франции, акции протеста в Греции, Чехии, и т.д.). К ним следует добавить волну массовых демонстраций, которая распространилась к настоящему времени на все континенты (рост политических беспорядков в 2018–2019 гг. зафиксирован в Ливане, Чили, Гонконге, Ираке, Египте, Эфиопии, Колумбии, Боливии, Грузии, России и других странах). Нельзя обойти вниманием и украинский кризис, беспрецедентное с распада Советского Союза охлаждение между Россией и Западом, торговую войну США и Китая, а также крайне напряженные отношения между Соединенными Штатами и Европой по целому спектру вопросов, не только коммерческого, но и военно-дипломатического

свойства [11]. Каждое из этих политических событий и обстоятельств стало причиной потерь для международного бизнеса, вписывающихся в концептуальные рамки исследования политических рисков, что позволяет говорить об общей тенденции их усиления в последнее время.

Однако в манифестациях политических рисков последних лет отражается не только возрождение их классических форм (под формами мы подразумеваем не только типологические особенности различных манифестаций политических рисков – экспроприаций, эмбарго и пр., но и особый характер их развития, определенный круг источников политических рисков и их институциональных генераторов), но и появление новой логики политических рисков, которая выходит за рамки просуществовавшей до настоящего времени теоретической модели. К классическим политическим рискам можно, в частности, отнести убытки иностранных предприятий в Сирии в условиях военных действий или учащение случаев экспроприации в Латинской Америке. Вместе с тем рост популизма и связанных с ним опасных для бизнеса политических действий, новая интенсивность международных торговых конфликтов между традиционными партнерами, выход Великобритании из состава ЕС, непрекращающиеся политические беспорядки во Франции не вписываются в классические подходы. Таким образом, обострение геополитической обстановки, несмотря все более глубокую и всестороннюю взаимозависимость стран в условиях глобализации, вкупе с кризисными тенденциями в традиционно стабильных государствах ставят вопрос об актуальности разработанных в 1960–1970-х годах концептуальных подходов к исследованию политических рисков [12].

Политические риски существенным образом трансформируются с появлением глобального пространства взаимодействия государств и бизнеса. Природа их происхождения и актуальное содержание оказываются намного шире и сложнее границ, заданных классическими теориями в период биполярного мира и обретения независимости бывшими колониями. Таким образом, первым шагом при построении новой системы анализа должен стать пересмотр самого контекста развития политических рисков, понимание сложнейшей системы сетевых глобальных взаимосвязей, внутри которой происходит сегодня их формирование.

Раскрытие новой природы политических рисков неразрывно с пониманием мотивации и условий функционирования различных групп влияния и прежде всего самого государства как их главного институционального источника, своего рода “производителя” политических рисков для частных коммерческих интересов. Здесь следует подчеркнуть, что политические риски являются осознанным побочным эффектом тех решений, которые государство принимает для выполнения стоящих перед ним задач. Иными словами, правительства отдают себе отчет в том, что проводя экспроприацию или начиная торговую войну, они закрывают доступ своих экономик к необходимым иностранным инвестициям, но политическая мотивация, лежащая в основе этого решения, превалирует над его негативным побочным эффектом в экономике.

Понимание этой мотивации, или, более широко, условий, в которых осуществляется политический выбор, ведущий к возникновению политического риска, составляет первый шаг и на пути к раскрытию связанных с этим выбором угроз для частного капитала. Так, во второй половине XX в. манифестации политических рисков становились чаще всего следствием общего стремления государств Африки, Азии и Латинской Америки к обретению всесторонней независимости от иностранного участия в их экономической и политической жизни. Убытки иностранного бизнеса, легшие в основу теории политического риска, были преимущественно связаны именно с подобной мотивацией (*PEMEX*, Суэцкий канал, Кубинская революция, национализации и экспроприации на Ближнем Востоке так или иначе связаны со стремлением к экономическому суверенитету, или защитой прав коренного населения, или освобождением от политической зависимости и т.п.). Благополучие коренного населения и верховенство национальных интересов составляли фундамент как ограничительных решений власти, так и экстралегальных рисков, происходящих из действий повстанцев, революционеров и других оппозиционных группировок. Можно констатировать, что схожая мотивация сохраняется в основе многих классических видов политического риска и сегодня. В ходе, например, нашумевшей в 2012 г. национализации аргентинской *YFP* (нефтегазовая компания *Yacimientos Petrolíferos Fiscales*) двигателем государственного решения выступал тот же возврат экономического, промышленного, энергетического суверенитета [13], что и полвека

назад. Вполне закономерен в подобных обстоятельствах приоритетный учет исследователями таких предвестников нарастающего политического риска, как стабильность действующего политического режима, степень демократизации, социально-экономические условия, наличие внутренних и внешних конфликтов, коррумпированность власти [14, pp. 77-116].

В условиях глобализации, однако, и практика последних лет полностью подтверждает данный тезис, политический риск эволюционирует и выходит за рамки стандартной логики развития. Появление “новых” его форм связано с изменениями условий функционирования государства и других центров политического влияния и специфики новых опасностей, которые во многом определяют принятие решений, позволяющих идентифицировать политические риски в качестве их своеобразного побочного эффекта.

Иными словами, мы предполагаем, что новые политические риски становятся результатом политического действия под воздействием глобальных вызовов. Цель настоящей статьи состоит в раскрытии данных вызовов и, главное, понимании того, как они влияют на поведение политических акторов, что, в свою очередь, позволит описать новую природу политических рисков в условиях глобализации. Уточнение контекста возникновения политических рисков является первым шагом на пути адаптации аналитического аппарата анализа и прогноза политических рисков и, соответственно, применения более эффективных механизмов их предупреждения.

Мы предлагаем использовать широкий подход к определению глобальных вызовов и отдельно рассматривать “первичные” и “вторичные” вызовы с точки зрения их воздействия на политические риски. Под первичными вызовами автор подразумевает различного происхождения опасности, реализующие себя в глобальном пространстве и угрожающие мировой стабильности по совокупности. Для их обозначения в экспертной литературе все чаще используется термин “глобального риска” [15]. В современных условиях глобальные риски (проблема глобального потепления, различного рода эпидемии и гуманитарные кризисы), которые сами по себе сопряжены с ущербом, также становятся существенными источниками рисков политического свойства. Вторичные вызовы ближе по своей природе не рискам, а общей неопределенности, вызванной процессами глобализации и оказывающей влияние на политический процесс. Вторичным вызовам соответствует совокупность условий, в которых осуществляется государственное управление и взаимодействие политических акторов. Развитие новых информационно-коммуникационных технологий, перераспределение управленческих полномочий в сетевом пространстве взаимодействия экономических и политических субъектов, переход на качественно иной уровень взаимозависимости и, одновременно, соревнования между отдельными странами и регионами приводят к большим системным изменениям среды политического действия. Сами по себе эти трансформации не создают политических рисков как таковых, однако могут служить их катализатором, модифицировать логику их развития и распространения.

В настоящей статье предлагается последовательный анализ сначала глобальных вызовов, в условиях которых идет взаимодействие политических акторов и функционируют системы государственного управления, затем – глобальных вызовов-рисков, на преодоление которых направлено современное политическое действие. Вместе это позволит описать новую природу политических рисков для бизнеса, возникающих в сложном переплетении национальных и глобальных интересов, и выявить главные отличия современных политических рисков от их классических форм.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ КЛАССИЧЕСКИМ СИСТЕМАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Среди системных изменений в параметрах государственного управления наибольшее значение в рамках анализа политического риска имеет беспрецедентное *развитие внутритерриториальных сетевых форм взаимодействия*. Сетевой механизм подменяет собой иерархические схемы и создает особое пространство для распространения политических рисков. Классическая теория основывалась на возможности выявления групп или институтов,

через которые происходила генерация самой угрозы [3]. В современных условиях они возникают как побочный эффект действий бесконечного числа акторов, которые не обязательно связаны между собой напрямую, но тем не менее вовлечены в общий клубок взаимосвязей, не ограниченный пространством отдельных государств. Более того, “сетевая революция” обуславливает многократное усиление эффекта домино практически для любого политического решения. Такая ситуация провоцирует расширение зоны случайности для политических рисков, возникающих в виде косвенного эффекта взаимодействия различного рода субъектов, что затрудняет, а подчас исключает релевантную оценку их последствий. Косвенным образом эволюция субъектного поля политических рисков рассматривается в многочисленных работах по вопросам функционирования политических сетей [15; 16; 17], глобального управления [18], перераспределения управленческих полномочий [19]. По сути, сетевые коммуникации бизнеса, гражданского общества и структур государственного управления становятся своего рода “червячными” переходами властных отношений, чьи многократные мутации формируют и тиражируют новые формы венчурных взаимосвязей на различных площадках и аренах внутри- и межгосударственных отношений.

В результате меняется как сама схематика формирования и развития политических рисков, так и направленность их последствий и эффектов. При этом особую сложность в восприятии политических рисков вызывает их функционирование в сетевом ландшафте транснациональных взаимосвязей, обладающих возможностью быстрого хаотического воздействия на широкий круг объектов. Например, локальные конфликты, в которые изначально вовлечено лишь несколько групп интересов, имеют потенциал практически одномоментного развития в глобальном формате, где политический риск станет отражением взаимодействия десятков различных узлов и сетей влияния, руководствующихся сложным комплексом зачастую противоречивых целей [20].

В качестве существенного источника новых форм политического риска следует также рассматривать *технологическую революцию*, влекущую за собой перераспределение ресурсов политического действия среди негосударственных акторов. С одной стороны, в коммерческой сфере все более очевидно смещение центра влияния от гигантов нефтяной индустрии, роль которых в формировании мировой политической повестки была общепризнана в течение нескольких десятилетий [21], к информационным бизнес-узлам, близким к *GAFAM* (*Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft*) [22; 23]. С другой стороны, информационные технологии сами по себе представляют мощный ресурс для ключевых генераторов экстралегального политического риска, одновременно сокращая способность государства контролировать уровень активности последних. Речь прежде всего идет о хорошо исследованных в литературе вопросах информационных коммуникаций в организации протестных движений [24; 25] и работе преступных элементов (в первую очередь террористических организаций) [26]. Однако следует уточнить, что в данном аспекте технологическая революция не столько изменяет саму природу политических рисков, сколько способствует многократному усилению и ускорению их эффекта.

Вместе с тем новые технологии также становятся источником неизвестных ранее форм политических угроз. Наряду с реальным пространством экспроприаций, войн, забастовок, складывается параллельное информационное пространство, в котором рождаются виртуальные, но от этого не менее опасные риски “постправды” (новая политическая культура, характеризующаяся пренебрежением фактами и апелляцией политических лидеров к эмоциональному восприятию своих избирателей), “троллинга” (организованная манипуляция общественным мнением в Интернет-пространстве), приводящие к деструктивным для экономики политическим дисбалансам.

Третья, но не менее важная тенденция касается постепенной *трансформации объекта государственного управления* через беспрецедентное увеличение трансграничной миграции. Вынужденная миграция, вошедшая в список наиболее вероятных рисков в 2017 г. [27], – лишь одна из граней гораздо более глубоких сдвигов самих основ политического функционирования современных обществ. Глобализация экономического пространства, основанная на формировании не опосредованного национальными границами спроса и предложения, устраняет барьеры для свободного перемещения граждан из одной страны в другую в поиске удовлетворяющих их потребностям условий. В долгосрочной

перспективе данный процесс бросает вызов национальным системам, основанным на принципе формирования и распределения национального блага.

Государство оказывается в непростой ситуации определения объекта, в интересах которого оно призвано выполнять, например, свои социальные функции: всех граждан, проживающих на подотчетной ему территории, всех граждан данного государства вне зависимости от места их текущей регистрации или лишь коренного населения? Метаморфоз одной из главных составляющих классической теории государственного управления становится источником целого ряда политических рисков: социальной и идеологической фрагментации общества, этнорелигиозного конфликта, терроризма (за счет упрощения инфильтрации радикальных элементов).

Выход Великобритании из состава Евросоюза, ставший одним из главных поводов для оживления внимания к проблеме политических рисков, может и должен рассматриваться как последствие рассмотренных изменений в параметрах государственного управления. Зародившийся в недрах конфликта традиционной системы накопления и распределения блага с реальностью социальной структуры глобальной экономики Брекзит на практике обнаруживает новую логику развития политических рисков, которая выходит за рамки классических подходов к их исследованию.

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ И НОВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ВЛАСТИ

Возникновение новых форм политического риска можно объяснить не только изменением параметров политико-властных отношений, но также растущим воздействием угроз глобального масштаба, борьба с которыми может стать новой миссией современной политики. Источники политических рисков в контексте 1960–1970-х годов лежали в области решений, целью которых было обретение всесторонней независимости развивающимися рынками через установление контроля над своими экономическими ресурсами. В контексте глобализации действия государства и общества по преодолению общемировых угроз (наибольшего внимания здесь заслуживают проблемы изменения климата, последствия технологической революции и беспрецедентные дисбалансы систем государственных финансов) оборачиваются побочным эффектом в виде развития новых форм политических рисков.

Согласно последнему отчету Всемирного экономического форума в Давосе *The Global Risks Report 2020* шесть из 10 наиболее опасных глобальных рисков связаны с *проблемой климата и экологии*. В будущем экологическая безопасность, становясь одним из ключевых параметров благосостояния, будет оказывать все возрастающее воздействие на политические решения в области регулирования коммерческой деятельности. Осознание экологической опасности (пока в основном в высокоразвитых государствах) столь значительно, что в некотором смысле не будет преувеличением говорить о зарождении нового феномена *экополитического риска*, через который реализуются побочные для частного бизнеса эффекты экологической политики – экологические протесты, экологические экспроприации, эконалоги и экоторговые барьеры.

Заметим также, что в ряде случаев экологические угрозы благосостоянию нации вступают в конкуренцию с традиционными показателями социально-экономического благополучия: уровнем дохода, социальными пособиями, покупательной способностью и пр. [28] Возникающий здесь конфликт на практике проиллюстрировало движение “желтых жилетов” во Франции, которое стало частным примером получающего все большее распространение в западных государствах экополитического риска. Начавшиеся как отказ населения от нового эконалога ради поддержания покупательной способности в ущерб оперативному энергетическому транзиту [29], непрекращающиеся протесты населения приводят к существенным прямым и косвенным убыткам коммерческого сектора и в перспективе угрожают стабильности французской экономики по совокупности.

Следующей после экологических угроз в ряду наиболее вероятных глобальных рисков стоит проблема технологической безопасности, которая тесно связана с политическими

процессами и обнаруживает себя в образовании еще одного гибрида – *информационно-политического риска* [30]. Ранее речь уже шла о феноменах “троллинга”, “постправды” и “дипфэйка” (технология синтеза “фальшивых” изображений или видео, которые быстро распространяются в Интернете и способствуют дискредитации публичных личностей или политических решений), которые ограняют политические условия ведения бизнеса и в связи с этим должны рассматриваться как новые источники политического риска. Другой вектор информационно-политического риска прямо отсылает к проблеме государственной безопасности и способности государства защитить свои системы жизнеобеспечения от внешнего вторжения, опасных киберпровокаций и виртуальных войн. В дополнение к этому соревнование между странами в попытке защитить свои информационные пространства постепенно может перейти в состояние “холодной технологической войны” [31, р. 8] со всеми вытекающими из нее политическими рисками.

Глобальные угрозы становятся тем более весомым источником политического риска, чем меньшими объемами финансовых средств располагают государства для их преодоления. *Общепланетное замедление экономического роста* [32] и постепенный подрыв финансово-экономической основы традиционной модели всеобщего благосостояния [33] могут и должны рассматриваться как дополнительный глобальный вызов, вынуждающий современные правительства к принятию все более жестких политических решений. Напомним, что бюджеты ряда стран Евросоюза и США начиная с 2000 г. находятся в постоянном дефиците [34], а государственный долг Японии еще в 2017 г. составлял 234% ВВП [35]. Однако наибольшие опасения вызывают так называемые внебалансовые государственные обязательства (*off-balance sheet government liabilities*), которые не отражены в официальных бюджетах и представляют собой скрытый от глаз долг государства в отношении будущих периодов. Сюда входят обязательства по поддержке жилищных программ, выданные государственные гарантии, будущие выплаты пособий, но главное – обязательства по выплате будущих пенсий, объемы которых постоянно растут на фоне общей для многих стран проблемы старения населения. В одних только США, где государственный долг достиг рекордной отметки в 22 трлн долл. (по 67 000 долл. на душу населения), государственные забалансовые обязательства насчитывают более 70 трлн долл., то есть в три с половиной раза больше, чем объем самого долга [36].

Растущий дефицит государственных финансовых ресурсов на фоне набирающего силу общественного давления на государство по сопротивлению глобальным рискам способен стать достаточным основанием для все большего вмешательства в вопросы владения и распоряжения частной собственностью в целях получения дополнительных средств на борьбу с глобальными угрозами социальной и экологической природы. В этом смысле можно прогнозировать усиление косвенных, латентных форм экспроприации (*creeping expropriation*) в странах с наибольшим дисбалансом госбюджета. Другим вектором привлечения средств на борьбу с глобальными вызовами может стать возложение части финансовой ответственности, например, за энергетический транзит, на самих граждан. Однако такого рода решения также чреваты дополнительным политическим риском, учитывая, что население большинства стран психологически не готово к сокращению государственных форм поддержки и, напротив, требует постоянного увеличения их спектра. В связи с этим можно прогнозировать и нарастание рисков политического насилия экстралегального происхождения, политической фрагментации общества, экстремизма и внутреннего конфликта.

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В XXI В.

Преобразования классических систем государственного управления и расширение задач, стоящих перед современными политическими акторами, становятся косвенными источниками дополнительных угроз для частного капитала. Их особая природа и логика развития выходят за рамки принятых научных подходов к самой дефиниции политических рисков, что вполне закономерно ограничивает возможность применения к ним существующего научно-прикладного инструментария анализа. Среди отличительных черт новых политических рисков следует, в первую очередь, подчеркнуть нестандартную географию их возникновения и распространения, а также характерный временно-пространственный формат воздействия на бизнес.

Если классические теории связывали политический риск исключительно с нестабильными рынками, то события последних 10 лет обнаруживают очевидное устаревание столь жестких рамок анализа. Следует согласиться с тем, что классические политические риски продолжают быть в наибольшей степени актуальны в развивающихся странах, однако смеем предположить, что эпицентр его новых форм придется на развитые западные государства. Влияние глобальных вызовов на систему государственного управления и социального взаимодействия здесь находится на принципиально ином уровне, чем в государствах, перед которыми продолжают стоять задачи построения, а не сохранения социально-экономического благополучия. Неслучайно мы становимся уже сегодня свидетелями экономических последствий выхода Великобритании из состава Евросоюза, решение о котором было принято на основе прежде всего общего стремления британцев противостоять миграционной угрозе, и массовых общественных волнений во Франции, которые уже более года парализуют политические реформы Э. Макрона (включая пенсионную реформу и налоговую реформы, экологический транзит и пр.) и создают крайне неблагоприятный климат для будущего экономического развития страны.

Вместе с географией существенно меняется временной аспект формирования и воздействия политического риска. Его классические проявления содержат в себе черты фокусирующего внимание события [37], имеющего четкие временные рамки. Современные формы, и это существенно отличает большинство рисков глобализации, ближе по своему временному аспекту не к событию, а постепенному процессу, размытому во времени и часто носящему латентный характер. Так, международный бизнес сегодня более обеспокоен не прямыми формами экспроприаций, а скрытыми, косвенными ограничениями прав частной собственности [38, pp. 55-56].

Существенные изменения связаны и с пространственным распространением политических рисков. Они касаются абсолютно всех их видов – как классических, так и новых. В прошлом воздействие риска отличалось своей линейностью и направленностью, которые были обусловлены заданными рамками вызывающего их политического решения или действия. В условиях глобализации, когда государственные и коммерческие игроки вовлечены в сетевые формы взаимодействия, политические риски следуют гораздо более хаотичным алгоритмам распространения как во времени, так и в пространстве. Ограничение спектра их объектов в международной экономике поддается все меньшему контролю. Здесь, в частности, следует отметить отход от классической схемы “заражения” риском – его постепенной передачи от одного круга акторов к другому, с одной территории на другую – в пользу одномоментного, непредсказуемого и глобального отголоска даже локально возникающего политического риска.

Наконец, современные политические риски получают новую площадку своего развития в пространстве социальных сетей. Вместе с развитием нематериального сектора экономики и информационных плоскостей взаимодействия появляются виртуальные угрозы, способные, однако, привести к вполне ощутимому ущербу подверженных им объектов. Виртуальность информационного пространства и сетевой механизм его работы создают два дополнительных импульса для развития политического риска. Виртуальность предполагает анонимность, что ведет к увеличению количества акторов, способных генерировать политический риск (здесь, в частности, возникает феномен “армий троллей” и “дипфейка”), а сеть дает всем генерирующим субъектам дополнительные ресурсы для умножения эффекта риска.

Остается добавить, что современные политические риски – это прежде всего микрориски отдельных проектов. Макрополитические риски, характеризующие общий уровень угроз для всего иностранного бизнеса в той или иной стране, постепенно утрачивают свою однородность. Если ранее с достаточной долей уверенности можно было говорить о высоком риске иностранных вложений в развивающиеся государства Африки и об их безопасности в странах Западной Европы и Северной Америки, то сегодня эта страновая специфика становится все менее отчетливой, а сам политический риск все больше походит на калейдоскоп. При комбинации влияния разных “традиционных” и глобальных вызовов в одной и той же стране могут сосуществовать проекты как с высоким, так и незначительным политическим риском.

Усложнение взаимосвязи внутренних и глобальных вызовов лишает результаты политических решений той однозначности, которая сопутствовала прежней природе политических рисков. Все более очевидной становится потребность в индивидуальной, экспертной оценке, которая, несмотря на постоянные предупреждения специалистов о возврате политических рисков, не ведется на постоянной основе ни бизнес-сообществом, ни государственными институтами. История тем не менее хранит множественные подтверждения того, что политические риски, неся в первую очередь ущерб экономическим акторам, не ограничены пространством коммерческих операций и являются существенным фактором социально-политической стабильности в целом и по совокупности влияют на мировую систему безопасности.

Все вместе говорит о необходимости активного поиска ответа на растущую проблему политического риска как со стороны государства в лице национальных и международных агентств, так и со стороны бизнес-сообщества, роль которого в решении данной проблемы сложно переоценить. В 1970-е годы именно благодаря крупным международным компаниям и их поддержке научных исследований были выработаны теоретические основы, методы и прикладные модели оценки и анализа политических рисков. Совместно с учеными крупных университетов был создан общий структурированный подход к управлению политическими рисками, а затем – институциональные системы гарантий и нивелирования политических рисков в рамках программ государственной и межправительственной поддержки.

Сегодня бизнес может сыграть не менее важную роль в укреплении международной безопасности. Активная позиция корпораций в вопросах управления политическими рисками станет существенным фактором улучшения глобальной безопасности. Следует отметить, что в данном направлении уже сегодня наметился существенный прогресс. Крупные социальные сети начинают предпринимать шаги в области регулирования производимых ими политических рисков. После крушения самолетов в районе Донецка 2014 г. и Тегерана в 2020 г. наблюдается переоценка индивидуальной ответственности авиаперевозчиков за управление военно-политическими рисками, угрожающими их пассажирам. Вместе с тем, помимо усиления корпоративной ответственности, сегодня назрела необходимость адаптации всей научно-прикладной системы оценки и управления политическими рисками. Очевидное устаревание концептуального подхода к их идентификации, о котором шла речь в настоящей статье, сказывается на низкой эффективности прикладных моделей и методов диагностики. Аналогичного пересмотра требуют и сами стратегии воздействия на политические риски – на корпоративном (интегрированные системы риск-менеджмента и мониторинга риска), государственном (в рамках структур, обеспечивающих стабильность и безопасность экономической деятельности) и международном (через многосторонние агентства профилактики, гарантирования и страхования политических рисков) уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Карякин М.Ю. *Страхование политических рисков внешнеторговых операций и международных инвестиций*. Москва, Авуарконсалтинг, 2002. 144 с. [Karyakin M.Yu. *Strakhovanie politicheskikh riskov vneshnetorgovykh operatsii i mezhdunarodnykh investitsii* [Insurance of Political Risks in Foreign Trade and Investment]. Moscow, Avuarkonsalting, 2002. 144 p.]
2. Simon J.D. Political Risk Assessment: Past Trends and Future Prospects. *Columbia Journal of World Business*, 1982, vol. 17, no. 3, pp. 62-72.
3. Robock S.H. Political Risk Identification and Assessment. *Columbia Journal of World Business*, 1971, vol. 6, no. 4, pp. 6-20.
4. Jarvis D. Conceptualizing, Analyzing and Measuring Political Risk: The Evolution of Theory and Method. *Lee Kuan Yew School of Public Policy Research Paper*, 2008, no. LKYSPP08-004. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1162541> (accessed: 02.03.2019).
5. Rummel R.J., Heenan, D.A. How Multinationals Analyze Political Risk. *Harvard Business Review*, 1978, vol. 56, iss. 1, pp. 67-76.
6. Sionneau B. *Risque politique, risque-pays et risque-projet*. Paris, CNAM, Cahier du LIPS No. 7, 1996. 44 p.
7. Kennedy C.R. *Political Risk Management: International Lending and Investing Under Environmental Uncertainty*. New York, Quorum Books, 1987. 163 p.
8. O'Sullivan R.C. Learning from OPIC's Experience with Claims and Arbitration. *International Political Risk Management. Looking to the Future*. Moran T., West. G., eds. Washington, The World Bank, 2005, pp. 30-74.

9. Moncomble Y. L' *Irrésistible expansion du mondialisme*. Paris, Faits et documents, 1981. 263 p.
10. Kobrin S.J. Expropriation as an Attempt to Control Foreign Firms in LDC: Trends from 1960–1979. *International Studies Quarterly*, 1984, vol. 28, no. 3, pp. 329-348.
11. Kantchev G. The Return of the Political-Risk Trade. *The Wall Street Journal*, 11.06.2018. Available at: <https://www.wsj.com/articles/political-risk-returns-to-markets-as-tide-of-stimulus-wanes-1528719648> (accessed 15.01.2020).
12. Political Risk: Time for a New Approach to an Old Problem? KPMG, 21.06.2018. Available at: <https://home.kpmg/uk/en/home/insights/2018/06/political-risk-time-for-a-new-approach-to-an-old-problem.html> (accessed 15.01.2020).
13. Закон об экспроприации 51% акций YPF у Repsol одобрен в Аргентине. *PIA Новости*, 04.05.2012. [The Law on Expropriation of 51% Repsol's Shares in YPF has Been Approved (In Russ.)] *RIA Novosti*, 04.05.2012. Available at: <https://ria.ru/20120504/640634726.html> (accessed 15.01.2020).
14. Brink Ch. *Measuring Political Risks: Risks to Foreign Investments*. Abingdon, Routledge, 2004. 216 p.
15. Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти. *Полис. Политические исследования*, 2011, № 5, сс. 70-98. [Solov'ev A.I. Latentnye struktury upravleniya gosudarstvom ili igra tenei na like vlasti [Latent Structures of the State Rule, or the Play of Shadows upon the Face of the Authority]. *Polis. Political Studies*, 2011, no. 5, pp. 70-98.]
16. Lascoumes P. Rendre gouvernable: de la "traduction" au "transcodage" – L'analyse des processus de changement dans les réseaux d'action publique. *La gouvernabilité*. Chevallier J., ed. Paris, PUF, 1996, pp. 324-338.
17. Börzel T.A. Organizing Babylon – On the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*, 1998, vol. 76, no. 2, pp. 253-273.
18. Барановский В.Г., Иванова Н.И., отв. ред. *Глобальное управление: возможности и риски*. Москва, ИМЭМО РАН, 2015. 315 с. [Baranovskii V.G., Ivanova N.I., eds. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global Governance: Opportunities and Risks]. Moscow, IMEMO RAN, 2015. 315 p.]
19. Лебедева М.М. Актеры современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО*, 2013, no. 1, сс. 38-42. [Lebedeva M.M. Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiya [The Actors of the Modern World Politics: Trends of Development]. *MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 1, pp. 38-42.]
20. Бордовских А.Н. Политический риск и корпоративная ответственность. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2016, т. 9, № 2 (46), сс. 67-80. [Bordovskikh A.N. Politicheskii risk i korporativnaya otvetstvennost' [Political Risk and Corporate Responsibility]. *Problemyi analiz i gosudarstveno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2016, vol. 9, no. 2(46), pp. 67-80.]
21. Colgan J.D. *Petro-Aggression: When Oil Causes War*. Cambridge University Press, 2013. 324 p.
22. Vilmer J., Escorcía A., Guillaume M., Herrera J. *Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies*. Paris, CAPS (Ministry for Europe and Foreign Affairs) and IRSEM (Ministry for the Armed Forces), 2018. 207 p. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/information_manipulation_rvb_cle838736.pdf (accessed 15.01.2020).
23. Fontanel J. *GAFAM, A Progress and a Danger for Civilization*. Available at: <http://hal.univ-grenoble-alpes.fr/hal-02102188/document> (accessed 15.01.2020).
24. Cammaerts B. Social media and activism. *The International Encyclopedia of Digital Communication and Society*. Mansell R., Hwa P., eds. Oxford, Wiley-Blackwell, 2015, pp. 1027-1034.
25. Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter. *Arab Social Media Report*, 2011, vol. 1, no. 2, pp. 1-30. Available at: https://journalistsresource.org/wp-content/uploads/2011/08/DSG_Arab_Social_Media_Report_No_2.pdf (accessed 15.01.2020).
26. Туронок С.Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия. *Общественные науки и современность*, 2011, № 4, сс. 131-140. [Turonok S.G. Informatsionnyi terrorizm: vyrobotka strategii protivodeistviya [Information Terrorism: Framing the Counteraction Strategy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 4, pp. 131-140.]
27. *The Global Risks Report 2017*. Geneva, World Economic Forum, 2015. 70 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf (accessed 26.02.2020).
28. Bailey D. The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability. *New Political Economy*, 2015, vol. 20, no. 6, pp. 793-811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169
29. Le regard des Français sur le mouvement des "Gilets jaunes". *Ifop pour Le Journal du Dimanche*, 2018, Novembre, no. 115970, pp. 1-18. Available at: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/11/115970-Rapport-JDD.pdf> (accessed 15.01.2020).
30. Миночкин А.Л. Информационно-политические риски постиндустриализма: конструктивный анализ. *Вестник ПАГС*, 2013, № 3, pp. 100-106. [Minochkin A.L. Informatsionno-politicheskie riski postindustrializma: konstruktivnyi analiz [Information and Political Risks of Post-Industrialism: Constructive Analysis]. *Vestnik PAGS*, 2013, no. 3, pp. 100-106.]
31. Bremmer I., Kupchan C. *Top Risks 2018*. New York, Eurasia Group, 2018. 25 p. Available at: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Top_Risks_2018_Report.pdf (accessed 15.01.2020).
32. *World Economic Outlook: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers*. Washington, International Monetary Fund, 2019. 188 p.

33. Rosanvallon P. Beyond the Welfare State. *Politics and Society*, 1988, vol. 16, no. 4, pp. 533-543. DOI: 10.1177/003232928801600408
34. *General Government Deficit*. OECD iLibrary. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/general-government-deficit/indicator/english_77079edb-en (accessed 25.02.2020). DOI: 10.1787/77079edb-en
35. *General Government Debt*. OECD iLibrary. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/general-government-debt/indicator/english_a0528cc2-en (accessed 25.02.2020). DOI: 10.1787/a0528cc2-en
36. Hamilton J. *Off-Balance-Sheet Federal Liabilities*. Cambridge, National Bureau of Economic Research, 2013. 51 p. Available at: <https://www.nber.org/papers/w19253.pdf> (accessed 15.01.2020).
37. Birkland T. Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting. *Journal of Public Policy*, 1998, vol. 18, no. 1, pp. 53-74. DOI: 10.1017/S0143814X98000038
38. Erkan M. *International Energy Investment Law. Stability through Contractual Clauses*. Alfen aan den Rijn, Kluwer Law International, 2011. 440 p.

POLITICAL RISKS IN THE ERA OF GLOBAL CHALLENGES TO TRADITIONAL GOVERNANCE STRUCTURES

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 63-73)

Received 22.01.2020.

Anastasia N. BORDOVSKIKH (bordovskikh@spa.msu.ru), ORCID: 0000-0003-4290-4983,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Public Administration, 27/4, Lomonosovskii Prosp.,
Moscow, 119991, Russian Federation.

After many years of general disregard political risks are back as a major threat to international business. Though the phenomena are not new, today's political risks are rather different from those studied in the aftermaths of the Second World War. Hence the classical framework of political risk analysis needs substantial reconsideration. The complexity of the present geopolitical context together with the interconnectivity characterizing our modern world impact the very logic and motivation lying beneath political actions which in turn may result in a negative side-effect to international trade and investment. The present research brings focus on two grounds for political risks transformation. The first is lying in the field of the new basis of the government action. The network concepts replacing traditional hierarchy of political actors, the wider access to political action and weakening of the nation state foundations result in the change of the very nature of political risks, their institutional origins and their geographical coverage. The other explanation for the new forms of political threat emergence is the switch in the political agenda. While in the 1960s–1970s political risks came as a consequence of various nationalist ideologies in the developing world, its recent manifestations are strongly connected with the new objectives of the modern state and society. Climate change, technological threats, word economic slowdowns and other top global risks lead to drastic government and extra-government actions which incorporate a great potential for the development of political risks. The research unveils the algorithms of politically motivated business losses in the context of the global challenges our states are facing today. It gives an account of the main characteristics upon which they can be defined as „new political risks“, distinguished from the traditional forms and, thus, in need of an updated analytical approach.

Keywords: political risk, global risk, expropriation, info-political risk, eco-political risk, ecological crisis.

About author:

Anastasia N. BORDOVSKIKH, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Policy Analysis Department.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-63-73